

Чернявская Валерия Евгеньевна

Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого,
Россия, 195251, Санкт-Петербург, ул. Политехническая, 19
tcherniavskaia@rambler.ru

Метапрагматика коммуникации: когда автор приносит свое значение, а адресат свой контекст*

Для цитирования: Чернявская В.Е. Метапрагматика коммуникации: когда автор приносит свое значение, а адресат свой контекст. *Вестник Санкт-Петербургского университета. Язык и литература*. 2020, 17 (1): 135–147. <https://doi.org/10.21638/spbu09.2020.109>

Статья представляет объяснительный подход к процессам понимания высказывания с позиции его включенности в социальный контекст. Анализ осуществлен с позиций метапрагматики, опирающейся на идеи Р.Якобсона, продолженные в современном дискурсивном анализе, в интеракционных концепциях социолингвистики, в социолингвистике «третьей волны». Метапрагматика понимается как рефлексивный, метаязыковой аспект коммуникации, предполагающий, что понимание высказывания должно включать рефлексию над семантикой и прагматикой языковых единиц. В таком ракурсе метапрагматический подход отличается от объяснительных возможностей прагмалингвистики в ее традиционном следовании принципу кооперации в «нормальных» ситуациях, по П. Грайсу, Р. Столнейкеру и др., и опоре на интенциональность высказывания в его анализе и декодировании смыслов. Метапрагматика устанавливает, как эффекты выбора и использования языковых единиц сами становятся объектом анализа в дискурсе. Изучение тех эффектов, которые возникают в интерактивном взаимодействии и оказывают влияние на установки, оценки и формы реакции адресата, значимо для понимания коммуникативных и социальных процессов в целом. Статья рассматривает ключевые категории, обеспечивающие процесс понимания, а именно: контекст и контекстуализацию. Семантизация и контекстуализация высказывания анализируются внутри определенной социокультурной практики. Показано, что семантизация и контекстуализация высказывания — взаимосвязанные, при этом разнонаправленные и часто конфликтующие процессы. Новизна представленного подхода связана в том числе с аналитическими возможностями выявления динамической стороны контекстуализации. В результате обосновывается, как и почему неверная контекстуализация способна порождать непонимание и социальные противоречия.

Ключевые слова: язык в социуме, метапрагматика, контекст, контекстуализация.

Постановка проблемы

Для характеристики исследовательского подхода, в котором разворачиваются предлагаемые суждения, принципиально значимо следующее. Для лингвиста

---

* Исследование выполнено на средства гранта РНФ (№ 18-18-00442) «Механизмы смыслообразования и текстуализации в социальных нарративных и перформативных дискурсах и практиках» в Балтийском федеральном университете им. И. Канта.

реально изучаемым объектом сегодня является не отдельная речевая структура, но коммуникативная ситуация и коммуникативная практика. Процессы понимания, семантизации включены в социальный контекст. Этот вопрос получает свою заостренность в дискурсивном анализе, а также в социолингвистике в ее современном понимании как дисциплины, изучающей язык в обществе (language-in-society) [Agha 2007; Blommaert 2005; Widdowson 2004].

В известной формулировке Нортропа Фрая прочтение художественного текста сравнимо с «пикником, на который автор приносит слова, а читатель — значения»¹. В актуальных теоретических дискуссиях это высказывание может быть переинтерпретировано как «автор приносит значение, а читатель контекст». Действительно, именно контекстуализация находится сегодня в точке пересечения многих методологических вопросов, обсуждаемых в связи с процессами понимания и конструирования смыслов.

Значение и смыслы речевых структур давно изучаются в тесной связи с контекстом их употребления. Собственно, с 1970-х гг. прагматически ориентированные подходы к языку, ставя вопрос, как язык функционирует, предлагали ответ, расширяя объем экстралингвистических факторов, включаемых в анализ вместе с семантикой языковых знаков. Следуя функционально-прагматическим и далее дискурсивным исследованиям, контекст означает здесь ситуативное экстралингвистическое окружение высказывания/текста, создающее его ситуативную адекватность и релевантность. Следует различать контекст создания высказывания, т. е. те составляющие ситуации, которые релевантны при его порождении, и контекст восприятия высказывания. Соответственно, контекстуализация означает когнитивные и речевые действия участника коммуникации, которые надо предпринять, чтобы понять информацию и связать ее с той ситуацией, в которой он принимает участие.

В центре внимания предлагаемых рассуждений — меняющиеся взгляды лингвистов на то, как конструируются смыслы. Изменение отражают новые объяснительные подходы, напр. метапрагматика. Что меняется, что привносится в сложившиеся представления?

В свое время прагматический перелом провозгласил приоритет интенции в изучении понимания и процессов коммуникации. Так, следуя идеям П. Грайса, Р. Столнейкера и их последователей, процесс коммуникации полагают направленным на декодирование интенции отправителя сообщения, пропозиции, которую он хочет выразить. Принцип кооперации позволяет выводить из буквального значения в формальной структуре высказывания те компоненты содержания, которые не входят в собственно смысл какой-либо языковой единицы, но выводятся адресатом исходя из контекста и коммуникативных постулатов. Адресат может извлекать из содержания высказывания большее значение, нежели в нем выражено буквально, именно в силу того, что адресант подразумевает соблюдение принципа кооперации. В духе и логике постулатов прагматики коммуникация, во всяком случае в «нормальных» ситуациях, это успешное распознавание пропозиции и presupпозиций отправителя, взаимодействующего с адресатом и подразумевающего

---

¹ «It has been said of Boehme that his book is like a picnic to which author brings the words, and the reader the meaning. ...it is a description of all works of art without exception» [Frye 1947: 237–238]. Заметим попутно, что часто в просторах интернета авторство этой фразы приписывается У. Эко, который, однако, повторял ее за Н. Фраем.

соответствующую реакцию адресата с его знанием, установками, оценками. Понимание основано на выводном знании на основе формально-логических инференций, конвенциональных импликатур (импликаций) и импликатур дискурса (связной речи). Соответственно, речевое формулирование в функционально-прагматическом подходе рассматривается как акт выбора таких языковых средств, которые обеспечивают оформление и выражение задуманных целей и коммуникативных эффектов. Текст анализируется как реализация стратегии по адекватному воплощению коммуникативного намерения — разумеется, с учетом специфики и многофакторности разных коммуникативных сфер и дискурсов, многожды возрастающей в художественном тексте и стремящейся к однозначности в научной и технической сфере. Прагмалингвистический подход ориентирует на то, что применение лингвистического инструментария дает возможность, опираясь на формы вербализации и на контекст порождения высказывания, устанавливать, и достаточно достоверно, интенцию автора высказывания.

Такие функционально-прагматические представления о кооперативном взаимодействии не остаются неизменными. Опора на принцип кооперативности и на интенциональность высказывания имеет свои ограничения в объяснительных возможностях. Векторы развития и прагмалингвистики и когнитивной лингвистики на протяжении последних десятилетий вели от интерпретации с опорой на локальный ближайший (минимально необходимый) контекст в сторону расширения контекстуальных оснований. Это было достигнуто в объяснительных подходах понимания связного текста, опирающихся на понятия фрейма ситуации, когнитивной, ситуативной модели (*mental models, situational models*) [Johnson-Laird 1989; Schank, Abelson 1977; Dijk 2006; 2008; Dijk, Kintsch 1983 и др.]. Конструктивистский подход к пониманию связной речи реализован в немецкой лингвистике в интерпретативной семантике (см. основные заключения: [Busse 2009]).

Новые объяснительные возможности создают концепции, представляемые широко как анализирующие язык в социуме, напр. интеракционная социолингвистика (*interactional sociolinguistics*) в традиции Э. Гоффмана, Д. Гамперца (обзор развития идей представлен в работах: [Auer 2009; Duranti, Goodwin 1992; Gumperz 2002; Чернявская 2012; Kulikova 2019; Nefedov, Chernyavskaya 2020; Куссе, Чернявская 2019; Чернявская, Закарян 2014]); социолингвистика «третьей волны» [Agha 2007; Blommaert 2005; Widdowson 2004]; метапрагматика [Jacobson 1985 [1956]; Silverstein 2003; Spitzmüller 2013].

Методология и теоретические основания

В качестве объяснительного подхода здесь представляется метапрагматика, так, как этот подход представлен в работах [Silverstein 2003; Spitzmüller 2013; Verschueren 2000], опирающихся, в свою очередь, на идеи Р. Якобсона [Jacobson 1985 [1956]]. Метапрагматика означает здесь рефлексивный, метаязыковой аспект коммуникации — понимание высказывания должно включать рефлексию над семантикой и прагматикой языковых единиц на основе ситуативного интертекстуального и интердискурсивного знания коммуникантов. Подобная рефлексия (самоконтроль) работает с разной мерой осознанности и рациональности субъектов над выбором языковых единиц и их посткоммуникативным эффектом. Метапраг-

матика устанавливает, как эффекты выбора и использования языковых единиц сами становятся объектом анализа в связанном дискурсе. Соответственно, метапрагматический уровень по-разному маркируется в структуре высказывания/текста — с разной растяжкой эксплицитности и имплицитности выражения. На одном конце шкалы стоят эксплицитные лексические маркеры, типа *то есть, из этого следует*, перформативные глаголы, модальные конструкции, цитаты, прямые интертекстуальные отсылки и т. п., а на другом конце — латентные, немаркированные сигналы интердискурсивности, смены кода, аллюзии, говорящие имена, ключевые слова (подробнее см.: [Молодыхенко 2014; 2019]), направляющие контекстуализацию в заданном направлении, действующие как сигналы концептуализации («contextualization cues», по Гамперцу).

Предлагаемый подход добавляет новый существенный ракурс в традиции лингвопрагматического и функционального подходов, а именно операционализацию широкого социокультурного контекста высказывания. Понятие «ситуация» не объясняет достаточно, если ограничивается непосредственным ситуативным контекстом, устанавливаемым на основе принципа кооперации, с опорой на общие фоновые знания коммуникантов друг о друге, о ситуации и на разделяемые ими пресуппозиции. Понятие экстралингвистического контекста получает объяснительную силу, когда расширяется не только за счет когнитивных мотиваций, но и за счет социально обусловленных установок, ассоциаций, на основе которых воспринимается и оценивается информация. Не существует предзаданного набора внешних факторов, принимаемых во внимание в процессе понимания. Автор высказывания устанавливает те составляющие контекста, которые станут основными смысловыми опорами и зададут рамки для интерпретации. Составляющие контекста прочитываются адресатом по мере развития коммуникации. При этом прошлый опыт вовлеченности в общую социальную практику становится существенным.

Что добавляется к уже сложившимся аналитическим подходам? Согласно прагматическим основаниям, адресат делает вывод о смысле высказывания на основе семантики языковых знаков, собственного опыта и представлений о том, что ему намеревался сказать адресат. Приоритет, задаваемый в социальной функциональности, иной — адресат делает вывод и конструирует свой смысл, направляемый социальным контекстом. Выбор между эксплицитной и имплицитной информацией подсказывается доминирующей практикой прочтения. Ключевое значение получает понятие общего для участников коммуникации контекста как комплекса экстралингвистических оснований, создающих ситуативную релевантность высказывания, с опорой на которые выдвигается один из семантически возможных смыслов. Такая перспектива переносит фокус исследований с анализа кооперативного взаимодействия и распознавания интенции («текста в голове», смысла на входе и на выходе) на понятие смысла в общем разделяемом контексте (подробнее см.: [Dijk 2009; Молодыхенко 2014; 2015; 2019; Нефедов, Чернявская 2020; Чернявская 2016]). Чтобы быть понятым, надо попасть в «правильный», адекватный контекст.

Новые ракурсы представляемого анализа связаны с новым объектом — операционализацией контекста. В такой перспективе контекст и контекстуализация не являются лингвистическим или, точнее, чисто лингвистическим объектом. Изучение контекстуализации отражает усиливающуюся конвертацию дискурсивных

исследований в междисциплинарные с обязательным изучением социокультурной практики. При этом интересующие лингвиста текстовые структуры являются лишь частью дискурсивного анализа. В такой ситуации изучение языковых явлений перестает быть исключительной компетенцией лингвистов: изучением коммуникативных практик могут активно заниматься и специалисты других дисциплин (см.: [Молодыченко 2019: 79–80]).

Метапрагматическая проекция на коммуникацию показывает, что понимание — всегда результат адекватного распознавания контекста и адекватно установленных отношений между текстом и его контекстом, т. е. «социальным поводом» создания текста. Смысл возникает на пересечении речевой структуры и социально обусловленной ситуации².

Аналитические усилия необходимы из-за асимметрии между семантикой и прагматикой текста. Семантизация и контекстуализация — взаимосвязанные, при этом разнонаправленные и часто конфликтующие процессы. Протекание и регулирование этих процессов — во многом вопрос социальной практики в обществе, а не выбора лингвистического инструментария. Работа с контекстом в практике лингвистического анализа означает выявление значимых для понимания характеристик актуальной практики. Это не линейный процесс, он может приводить в тупиковые точки, к непониманию и конфликтам, особенно в таких ситуациях, которые затрагивают тонкие уязвимые социальные статусы и характеристики, такие как раса, национальность, возраст, гендерная принадлежность. Социальные роли и социальные идентичности порождают асимметрию смыслов в социальной коммуникации. Знак (языковой или неязыковой) способен не только соотноситься с определенными денотатами, но и вызывать определенные смыслы, притягивать определенные контексты. Есть устойчивые связи между знаком и его контекстом. Например, произнести *Вау* или *Ух ты* в ситуации выражения соболезнований — значит, стать неуместным, нарушить коммуникативные нормы и контекстуальное соответствие. По М. Сильверстину, в ходе коммуникации ее участники могут сами установить, вычитать связь языкового знака с определенным контекстом: языковой знак может прочитываться как сигнал, что для понимания должен работать именно этот, и не иной контекст [Silverstein 2003]. Именно этот метапрагматический ракурс и является предметом анализа в рамках публикации. Одна из целей анализа — продемонстрировать, как и почему неверная контекстуализация способна породить непонимание и социальные противоречия.

Материал и анализ

Рассмотрим ситуацию, которая несколько лет назад стала резонансной и вызвала живую общественную реакцию в России.

Сбербанк РФ, старающийся отойти от своего советского образа и стать одним из самых современных в России, разместил в своем микроблоге в Twitter шутку, вызвавшую возмущение Союза пенсионеров России. Банк принес свои извинения. Сообщение...

---

² Ср.: «...interpretive leads between what is said and the social occasion in which it is being produced. <...> The way in which language fits into context is what creates meaning to others» [Blommaert 2005: 11, 40].

гласило: «Народный лайфхак: Если на стене мелом написать “Сбербанк”, у стены образуются очередь из 30 пенсионеров...»³.

Шутка, опубликованная 8 августа 2012 г., вызвала резонанс в соцсетях. 9 августа 2012 г. газета «Известия» сообщила, что Союз пенсионеров России собирается пожаловаться на нее главе Сбербанка Г. Грефу. Через несколько часов твит был удален. В пресс-релизе Сбербанк принес извинения за него в официальном микроблоге банка. Более того:

10 августа 2012 года, Москва — Заместитель Председателя Правления Сбербанка России Белла Златкис направила в адрес Председателя Президиума Центрального Правления Союза Пенсионеров России В. В. Рязанского письмо, в котором от имени Сбербанка принесла извинения пенсионерам Российской Федерации за неуместную шутку, допущенную сотрудником Банка в сети Twitter. Сотрудник, допустивший недопустимое высказывание в отношении представителей старшего поколения, уволен. Предприняты организационные мероприятия по недопущению подобных действий впредь. «В Сбербанке всегда трепетно относились к нашим самым преданным и верным клиентам — пенсионерам, — подчеркнула заместитель Председателя Правления Сбербанка России Белла Златкис. — <...> Позиция Сбербанка в отношении наших клиентов — пенсионеров всегда была и будет самой уважительной и учитывающей прежде всего интересы старшего поколения»⁴.

Итак, почему сообщение вызвало такую бурную реакцию? Почему оно было прочитано как «недопустимое высказывание»? Поверхностная структура высказывания не содержит эксплицитной оценки, тем более эксплицитной негативной оценки. Возможно утверждать, что оценочность имплицитна и вычитывается в транслируемых смыслах, в возникающих интертекстуальных связях. В анализе нашего кейса следует исходить из существования трех контекстов: внешнего фактического контекста — «что мы знаем о Сбербанке?», контекста отправителя — «что имел в виду отправитель текста?» и контекста получателя сообщения — «с какими существующими представлениями, оценками, пресуппозициями высказывание поставлено в связь?».

Внешний контекст таков. Сбербанк России — крупнейший транснациональный банк, контролируется Центральным банком России, лидер по объемам операций с физическими лицами. Бренд «Сбербанк» ассоциируется с существовавшими в РСФСР и СССР с 1922 г. государственными сберегательными кассами (с 1925 г. — Государственные трудовые сберегательные кассы СССР). Они аккумулировали практически все вклады населения Советского Союза. В 1987 г. Гострудсберкассы СССР были преобразованы в Сбербанк СССР как государственный специализированный банк для населения и юридических лиц, в 1991 г. учрежден Сбербанк России. Для банков вообще и для Сбербанка в частности обращенность к пожилым людям как к потенциальным вкладчикам широко используется как одно из тактических средств привлечения финансовых потоков. И это объяснимо. Известно, что

³ Сбербанк извинился перед пенсионерами за неудачную шутку в Twitter. <https://ria.ru/20120809/719951336.html> (дата обращения: 20.09.2019).

⁴ Сбербанк приносит извинения пенсионерам за сообщение в официальном микроблоге Банка. https://www.sberbank.ru/ru/press_center/all/article?newsID=11019971-1-1&blockID=1303&regionID=77&lang=ru&type=NEWS (дата обращения: 20.09.2019).

пенсионеры становятся сегодня одной из самых многочисленных групп в социальной структуре общества. Большинство развитых стран мира сегодня существуют как «государства пенсионеров». Часть государственных программ, политических линий открыто и прямо адресована этому сегменту общества, демонстрирует заботу о нем, понимание его нужд.

Ответ на вопрос, почему сообщение было прочитано как недопустимое высказывание, предполагает интерпретацию в двух направлениях: «о чем текст отправителя сообщения и каков контекст его порождения?» и «о чем текст в “голове адресата” и контекст восприятия текста?». Очевидно, произошло несовпадение этих двух контекстов.

Отвечая на первый из этих вопросов, мы принимаем во внимание формат коммуникации, тип текста. Твит — лаконичная запись в популярном сервисе микроблогов, новый жанр интернет-коммуникации, позволяющий обеспечивать живой динамичный обмен мнениями. Его функция позволяет соотносить автора текста с заявляемым намерением банка — привлекать и удерживать вкладчиков живой, оригинальной, броской риторикой. Лингвистическими признаками твита являются ограниченная до 140 знаков длина сообщения (лаконичность), экспрессивность выражений, диалогическая обращенность. Так, слово *лайфхак* стилистически маркирует современный сленг. *Лайфхак* означает ‘полезный совет, рецепт, помогающий решать бытовые вопросы, опираясь на смекалку, жизненную мудрость’. Эта языковая единица создает заявляемый банком эмоциональный настрой на живой стиль, динамичность в общении с потребителем услуг и современность стратегий продвижения банка к клиенту. Предположительно, именно *лайфхак* должно было выступать в роли ключевого слова и прагматической доминанты, положительно заряжающей текст. Оно должно было бы восприниматься как привлекательный, диалогичный, актуальный, отсылающий к современности элемент текста. Такую же семантическую нагрузку может иметь словосочетание *написать мелом на стене*. Оно может прочитываться как отсылающее к современной стилистике граффити в городском пространстве. Экспансия граффити сделала их привычной частью городского экстерьера. Визуальный образ — начертанное высказывание — может прочитываться как ждущее ответа слово. Такая семантика также может быть включена в смысл текстового целого «банк хочет быть современным, живым, диалогичным». И тогда когерентность высказывания предполагает вывод импликатур дискурса: «Сбербанк привлекателен для российских пенсионеров» и «пенсионеры — это верные, сообразительные, быстро реагирующие (читай — живые) клиенты Сбербанка, пенсионеры на основе своей жизненной смекалки и опыта понимают, где хорошо. То есть в Сбербанке».

Высказывание, однако, оказалось неадекватным поставленной задаче отойти от стереотипов советского прошлого и было прочитано как оскорбление целой социальной группы граждан России. Оно было расценено как наносящее репутационный ущерб Сбербанку. Банк был вынужден оправдываться.

Можно предположить, что контекст восприятия совпал с существующим в массовом сознании образом российского пенсионера и одновременно наложился на советский дискурс и на те связанные с ним стереотипы в сознании, которые вызывают негативные оценочные смыслы. Ключом к такой контекстуализации стала, как видится, номинация адресата ‘пенсионеры’, а именно ее гендерный аспект:

номинация *пенсионерки* содержит атрибуцию определенной социальной группы. Пенсионер в России воспринимается в массовом сознании как социально слабый, незащищенный член общества. Период рыночных перемен на постсоветском пространстве наиболее сильно затронул социальные группы, достигшие определенной возрастной границы. Выход на пенсию для многих ассоциируется с падением доходов, спуском вниз по социальному лифту, падением качества жизни и потерей социального статуса в целом. Пенсионеры в самоидентификации противопоставляют себя как «бедных» по отношению ко всем прочим — «богатым». Именно пенсионеры как социальная группа считают государство своим главным коммуникативным партнером. Неработающие пенсионеры в материальном отношении почти целиком зависят от государства, выплачивающего им деньги в виде пенсии. При этом подразумевается, что у пенсионеров недостаточно денег, но они располагают временем. Поэтому могут «сидеть» с внуками, «стоять» в очередях (подробнее см.: [Козырева, Смирнов 2017]).

Попадая в когнитивную рамку такого контекста, анализируемое высказывание приобретает другие смыслы, совершенно отличающиеся от представленных выше. Высказывание было прочитано как имеющее пресуппозиции «пенсионер — избирательный, невзыскательный потребитель»; «пенсионер — наиболее послушная и поддающаяся манипуляции социальная группа». В рамке такого восприятия и понимания начинает действовать другая прагматика.

На такое понимание работает и слово *очередь*, которое делает актуальной ассоциацию с советским временем всеобщего дефицита, постоянного долгого ожидания в очередях. В очередь выстраивались, часто даже не узнав точно, что именно «дают». Очередь — «привычный атрибут советской истории и советского быта» [Богданов 2001]. Разумеется, очередь не является исключительно советским знаком — повсюду и всегда возможны очереди в кинотеатры, на стадионы, транспорт и т. д. Однако роль этого явления именно в жизни советского человека была особенной. Очередь — это повседневная неизбежность, трата времени и повод для напряженности и раздражения. Это ясно осознавалось и самими советскими гражданами, и иностранцами. Например, в изданной в США «Энциклопедии советской жизни» «приводятся цифры, согласно которым советские граждане проводили в очередях ежегодно более 80 миллиардов часов, что приблизительно равняется рабочему времени 40–45 миллионов человек в год» [Zemtsov 1991: 261] (см.: [Богданов 2001]). Отношение к очередям как к постоянному атрибуту советской истории превращает саму историю СССР в историю очередей. Очередь воспринимается как метафора «принудительного соединения людей» [Гинзбург 1989: 548] (цит. по: [Богданов 2001]), позволяющая соотносить «макроуровень» символической репрезентации советского общества с «микроуровнем» бытовых символов советской повседневности» [Богданов 2001]. Слово *очередь* подействовало в анализируемом твите как социальный индекс, актуализирующий именно прошлые советские реалии (*стоять в очереди*), а не, напр., современную практику и реакцию потребителей на распродажи, когда очередь — знак спроса, участия в шопинге, успешной стратегии маркетинга.

Важно, что в привычных для советского человека представлениях об очередях на первый план выходит именно гендерный компонент. Несмотря на то что «в очередях стоят как мужчины, так и женщины», советская «очередь, прежде всего,

ассоциируется с женщинами». Советские очереди имели «женский код» [Богданов 2001], и женская семантика в твите от Сбербанка (*30 пенсионерок*) определенно вписала его в прошлое — в ряд семиотических составляющих социальных практик советского человека.

На создание таких же прагматических эффектов, как представляется, работает выражение *писать мелом на стене*. Оно также получает осмысленность как отсылка к коллективному опыту советского дискурса. Надписи на стенах, зданиях, остановках общественного транспорта, в парадных — это признак советского быта. Оставлять надписи в общественных местах считалось неприличным, во всяком случае маргинальным. Такое выражение, очевидно, не совпадает с современным отношением к граффити, которые во многом утратили значение протеста или люмпенства и стали скорее универсальным языком общения в городской среде, социально нейтральным явлением.

Слова *пенсионерки, очередь* стали теми лингвистическими маркерами, которые позволили сделать аналитический переход от языкового уровня к уровню эпистемическому, к историческому и социокультурному происхождению нашего знания, оформляемого языком (ср.: [Busse 2009]).

Сообщение-твит в микроблоге Сбербанка было соотнесено с опытом и практикой советского дискурса, было прочитано как конструирующее образ пенсионера как человека социально слабого, реагирующего на рефлексы советского прошлого, легко манипулируемого.

Можно предположить (и со значительной долей вероятности!), что сотрудник банка, создавший текст в твиттере, — это молодой человек, не имеющий опыта советского прошлого и общей социальной практики с потенциальным адресатом своего текста. Он решил поставленную задачу адекватно на языковом уровне, на уровне семантики, стилистики текста. Но интенция оказалась заблокированной рамкой контекста восприятия высказывания. В современной российской ситуации политическое и экономическое положение изменилось полностью. Очередь как потеря времени и энергии, связанных с поиском дефицита, исчезла, перестала занимать центральное место в общественном дискурсе. Однако исчезновение прошлой символики, смена риторики и самих повседневных практик не отменяют коллективного знания, общего для представителей социокультурного сообщества, объединенных общей социокультурной практикой.

Заключение

Метапрагматический ракурс позволяет показать интеракциональную социально ориентированную составляющую коммуникации. Представленный подход показывает также, как в анализе может быть выявлена динамическая сторона контекстуализации. Контекст не является чисто лингвистическим объектом. Это изменчивая, не фиксированная величина. Лингвистический инструментарий не может быть единственным и однозначным при определении смыслов «на выходе» в связи с контекстом восприятия текста. Процесс инференции, ведущий к выводу о смысле сообщения, запускается семантикой языковых единиц и ситуативными знаниями коммуникантов, при этом в значительной мере основывается на значимости для участника коммуникации аспектов социальной практики — коллективной практи-

ки понимания смыслов в актуальном социокультурном контексте. Контекстуализация — это социально управляемый и направляемый процесс, устанавливающий, какой именно контекст должен работать здесь и сейчас, с какими потенциально возможными смыслами, темами отдельное высказывание может быть связано его адресатом. Неверная, неадекватная контекстуализация способна порождать социальные конфликты. Изучение тех эффектов, которые возникают в интерактивном взаимодействии и оказывают влияние на установки, оценки и сами формы реакции, значимо для понимания социальных процессов в целом.

Источники

Гинзбург 1989 — Гинзбург Л. Я. Записки блокадного человека. В кн.: Гинзбург Л. Я. *Человек за письменным столом. Эссе. Из воспоминаний. Четыре повествования*. Л.: Советский писатель. Ленингр. отделение, 1989. С. 517–578.

Литература

- Богданов 2001 — Богданов К. А. Советская очередь: социология и фольклор. В кн.: Богданов К. А. *Повседневность и мифология: Исследования по семиотике фольклорной действительности*. СПб.: Искусство-СПб., 2001. <https://www.booksite.ru/localtxt/pov/sed/nev/nost/12.htm> (дата обращения: 20.09.2019).
- Козырева, Смирнов 2017 — Козырева П. М., Смирнов А. И. Российские пенсионеры в условиях кризиса. *Социологические исследования*. 2017, (1): 64–73.
- Куссе, Чернявская 2019 — Куссе Х., Чернявская В. Е. Культура: объяснительные возможности понятия в дискурсивной лингвистике. *Вестник Санкт-Петербургского университета. Язык и литература*. 2019, 16 (3): 444–462. DOI: 10.21368/spbu09.2019.307.
- Молодыхенко 2014 — Молодыхенко Е. Н. Когнитивное моделирование реализации эмоционального аспекта речевого воздействия. *Вопросы когнитивной лингвистики*. 2014, (3): 78–85.
- Молодыхенко 2015 — Молодыхенко Е. Н. Аксиология дискурса консюмеризма: О роли языковой оценки в жанре лайфстайл. *Вестник Томского государственного университета. Филология*. 2015, (6 (38)): 55–66. DOI: 10.17223/19986645/38/5.
- Молодыхенко 2019 — Молодыхенко Е. Н. «Свои» и «чужие» в политическом дискурсе: Инструментальная функция «чужого» в американской президентской риторике. *Вестник Томского государственного университета. Филология*. 2019, (59): 67–86. DOI: 10.17223/19986645/59/5.
- Нефедов, Чернявская 2020 — Нефедов С. Т., Чернявская В. Е. Контекст в лингвистическом анализе: прагматическая и дискурсивно-аналитическая перспектива. *Вестник Томского государственного университета. Филология*. 2020, (63): 83–97. DOI: 10.17223/19986645/63/5.
- Чернявская 2012 — Чернявская В. Е. *Дискурс власти и власть дискурса: Проблемы речевого воздействия*. М.: Флинта; Наука, 2012. 128 с.
- Чернявская 2016 — Чернявская В. Е. Поликодовость versus логоцентризм в речевом воздействии. *Филологические науки. Научные доклады высшей школы*. 2016, (2): 3–10.
- Чернявская 2017 — Чернявская В. Е. Методологические возможности дискурсивного анализа в корпусной лингвистике. *Вестник Томского государственного университета. Филология*. 2017, (49): 135–148. DOI: 10.17223/19986645/50/9.
- Чернявская, Закарян 2014 — Чернявская В. Е., Закарян С. С. Культурная маркированность текста: лингвистика текста в межкультурной проекции. *Филологические науки. Научные доклады высшей школы*. 2014, (2): 10–16.
- Agha 2007 — Agha A. *Language and social relations*. Cambridge: Cambridge University Press, 2007. 429 p.
- Auer 2009 — Auer P. *Context and contextualization: Key notions of pragmatics*. Verschueren J., Östman J.-O. (eds.). Amsterdam: John Benjamins, 2009. P. 86–101.
- Blommaert 2005 — Blommaert J. *Discourse: A critical introduction*. Cambridge: Cambridge University Press, 2005. 299 p.

- Busse 2009 — Busse D. Textbedeutung und Textverstehen aus Sicht einer linguistischen Epistemologie. In: *Perspektive auf Wort, Satz und Text: Semantisierungsprozesse auf unterschiedlichen Ebenen des Sprachsystems*. Bachmann-Stein A., Merten S., Roth Ch. (Hrsg.). Trier: WVT Wissenschaftlicher Verlag, 2009. P. 45–57.
- Dijk 2006 — Dijk T. A. van. Discourse, context and cognition. *Discourse Studies*. 2006, 8 (1): 159–177.
- Dijk 2008 — Dijk T. A. van. *Discourse and context: A sociocognitive approach*. Cambridge: Cambridge University Press, 2008. 267 p.
- Dijk 2009 — Dijk T. A. van. *Society in discourse: How context controls text and talk*. Cambridge: Cambridge University Press, 2009. 287 p.
- Dijk, Kintsch 1983 — Dijk T. A. van, Kintsch W. *Strategies in discourse comprehension*. New York: Academic Press, 1983. 413 p.
- Duranti, Goodwin 1992 — Duranti A., Goodwin Ch. Rethinking context: An introduction. In: *Rethinking context: Language as an interactive phenomenon*. Duranti A., Goodwin Ch. (eds.). Ser.: Studies in the Social and Cultural Foundations of Language. Cambridge: Cambridge University Press, 1992. P. 1–42.
- Frye 1947 — Frye N. *Fearful symmetry: A study of William Blake*. Princeton (NJ): Princeton University Press, 1947. 472 p.
- Gumperz 2002 — Gumperz J.J. Sharing common ground. In: *Soziale Welten und kommunikative Stile*. Keim I., Schütte W. (eds.). Tübingen: Narr, 2002. P. 47–55.
- Jakobson 1985 [1956] — Jakobson R. Metalanguage as a linguistic problem [1956]. Jakobson R. *Selected writings*: in 9 vols. Rudy S. (ed.). Vol. 7. Berlin: Mouton De Gruyter, 1985. P. 113–121.
- Johnson-Laird 1989 — Johnson-Laird P.N. Mental models. In: *Foundations of cognitive science*. Posner M. I. (ed.). Cambridge (MA): MIT Press, 1989. P. 469–499.
- Kulikova 2019 — Kulikova L. V. Intercultural mediation: a discourse-analytical perspective. *Вопросы когнитивной лингвистики*. 2019, (3): 26–35. DOI: 10.20916/1812-3228-2019-3-26-35.
- Schank, Abelson 1977 — Schank R. C., Abelson R. *Scripts, plans, goals and understanding: An inquiry into human knowledge structures*. Hillsdale (NJ): Erlbaum, 1977. 248 p.
- Silverstein 2003 — Silverstein M. Indexical order and the dialectics of sociolinguistic life. *Language and Communication*. 2003, 23 (3–4): 193–229.
- Spitzmüller 2013 — Spitzmüller J. Metapragmatik, Indexikalität, soziale Registrierung: Zur diskursiven Konstruktion sprachideologischer Positionen. *Zeitschrift für Diskursforschung*. 2013, (1/3): 263–287.
- Verschueren 2000 — Verschueren J. Notes on the role of metapragmatic awareness in language use. *Pragmatics*. 2000, 10 (4): 439–456.
- Widdowson 2004 — Widdowson H.G. *Text, context, pretext: Critical issues in discourse analysis*. Ser.: Language in Society. Malden (MA): Wiley-Blackwell, 2004. 200 p.
- Zemtsov 1991 — Zemtsov I. *Encyclopedia of Soviet life*. London: New Brunswick, 1991. 261 p.

Статья поступила в редакцию 14 октября 2019 г.
Статья рекомендована в печать 16 декабря 2019 г.

Valeria E. Chernyavskaya

Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University,
19, Politechnicheskaja ul., St. Petersburg, 196135, Russia
tcherniavskaia@rambler.ru

Metapragmatics: When the author brings meaning and the addressee context*

For citation: Chernyavskaya V.E. Metapragmatics: When the author brings meaning and the addressee context. *Vestnik of Saint Petersburg University. Language and Literature*. 2020, 17 (1): 135–147. <https://doi.org/10.21638/spbu09.2020.109> (In Russian)

* The research is supported by the Russian Science Foundation, project No. 18-18-00442 “The mechanisms of meaning formation and textualization in social narrative and performative discourses and practices” at Immanuel Kant Baltic Federal University.

The present article is formulated against the background of a theory of metapragmatics that studies how the effects of language usage are objects of discourse analyses. The notion of metapragmatics is discussed as it follows from approaches by Jakobson, Silverstein, Verschueren, Spitzmüller and is in line with modern approaches in intercultural sociolinguistics. Metapragmatics focuses on the reflexive metacommunicative effects of linguistic choices in discourse. Metapragmatic reflexivity is behind the meaning construction and linguistic choice when considering language in use. As a point of departure in analyzing the meaning making processes is the presumption, that meaning derives from social situation. The focus is placed on the notion of social sharing. Semantisation and contextualization are discussed as connected but sometimes divergent processes. The present paper aims to prove that understanding is the result of proper contextualization in which utterances are made to fit a particular context. Context change, or incorrect contextualization, can cause communicative conflicts and misunderstandings. Thus this paper has two central notions of context and contextualization to discuss the processes of meaning making within social practice. The theoretical and methodological framework under discussion is exemplified on a modern Russian sociocultural practice. The social effects of misunderstandings through context change are considered.

Keywords: metapragmatics, language in society, context, contextualization.

References

- Богданов 2001 — Bogdanov K. A. Soviet turn: sociology and folklore. In: Bogdanov K. A. *Povsednevnost' i mifologiya: Issledovaniia po semiotike fol'klornoj deistvitel'nosti*. St. Petersburg: Iskusstvo Publ., 2001. <https://www.booksite.ru/localtxt/pov/sed/nev/nost/12.htm> (access date: 20.09.2019) (In Russian)
- Козырева 2017 — Kozyreva P. V., Smirnov A. I. Russian pensioners in a crisis. *Sociologicheskie issledovaniia*. 2017, 1: 64–73. (In Russian)
- Куссе, Чернявская 2019 — Куße Н., Chernyavskaya V. E. Culture: Towards its explanatory charge in discourse linguistics. *Vestnik of Saint Petersburg University. Language and Literature*. 2019, 16 (3): 444–462. DOI: 10.21368/spbu09.2019.307. (In Russian)
- Молодыхченко 2014 — Molodychenko E. N. Cognitive modelling of emotion-targeted persuasion. *Voprosy kognitivnoi lingvistiki*. 2014, (3): 78–85. (In Russian)
- Молодыхченко 2015 — Molodychenko E. N. Axiological dimension in the discourse of consumerism: The role of evaluative language in the lifestyle genre. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Philologiya*. 2015, (6 (38)): 55–66. DOI: 10.17223/19986645/38/5. (In Russian)
- Молодыхченко 2019 — Molodychenko E. N. “Us” vs “them” in political discourse: The instrumental function of the “evil other” in American presidential rhetoric. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Philologiya*. 2019, (59): 67–86. DOI: 10.17223/19986645/59/5. (In Russian)
- Нефедов, Чернявская 2020 — Nefedov S. T., Chernyavskaya V. E. Context in linguistics: pragmatic and discourse analytical dimension. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Philologiya*. 2019, (63): 83–97. DOI: 10.17223/19986645/63/5. (In Russian).
- Чернявская 2012 — Chernyavskaya V. E. *Discourse of power and power of discourse: Problems of speech influence*. Moscow: Flinta Publ.; Nauka Publ., 2012. 128 p. (In Russian)
- Чернявская 2016 — Chernyavskaya V. E. Multimodality versus logocentrism in persuasion. *Filologicheskie nauki. Nauchnye doklady vysshei shkoly*. 2016, (2): 3–10. (In Russian)
- Чернявская 2017 — Chernyavskaya V. E. Towards methodological application of discourse analysis in corpus-driven linguistics. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Philologiya*. 2017, (49): 135–148. DOI: 10.17223/19986645/50/9. (In Russian)
- Чернявская, Закарян 2014 — Chernyavskaya V. E., Zakaryan S. S. Cultural marked texts: intercultural dimension of text linguistics. *Filologicheskie nauki. Nauchnye doklady vysshei shkoly*. 2014, (2): 10–16. (In Russian)
- Agha 2007 — Agha A. *Language and social relations*. Cambridge: Cambridge University Press, 2007. 429 p.
- Auer 2009 — Auer P. *Context and contextualization: Key notions of pragmatics*. Verschueren J., Östman J.-O. (eds.). Amsterdam: John Benjamins, 2009. P. 86–101.

- Blommaert 2005 — Blommaert J. *Discourse: A critical introduction*. Cambridge: Cambridge University Press, 2005. 299 p.
- Busse 2009 — Busse D. Textbedeutung und Textverstehen aus Sicht einer linguistischen Epistemologie. In: *Perspektive auf Wort, Satz und Text: Semantisierungsprozesse auf unterschiedlichen Ebenen des Sprachsystems*. Bachmann-Stein A., Merten S., Roth Ch. (Hrsg.). Trier: WVT Wissenschaftlicher Verlag, 2009. P. 45–57.
- Dijk 2006 — Dijk T. A. van. Discourse, context and cognition. *Discourse Studies*. 2006, 8 (1): 159–177.
- Dijk 2008 — Dijk T. A. van. *Discourse and context: A sociocognitive approach*. Cambridge: Cambridge University Press, 2008. 267 p.
- Dijk 2009 — Dijk T. A. van. *Society in discourse: How context controls text and talk*. Cambridge: Cambridge University Press, 2009. 287 p.
- Dijk, Kintsch 1983 — Dijk T. A. van, Kintsch W. *Strategies in discourse comprehension*. New York: Academic Press, 1983. 413 p.
- Duranti, Goodwin 1992 — Duranti A., Goodwin Ch. Rethinking context: An introduction. In: *Rethinking context: Language as an interactive phenomenon*. Duranti A., Goodwin Ch. (eds.). Ser.: Studies in the Social and Cultural Foundations of Language. Cambridge: Cambridge University Press, 1992. P. 1–42.
- Frye 1947 — Frye N. *Fearful symmetry: A study of William Blake*. Princeton (NJ): Princeton University Press, 1947. 472 p.
- Gumperz 2002 — Gumperz J. J. Sharing common ground. In: *Soziale Welten und kommunikative Stile*. Keim I., Schütte W. (eds.). Tübingen: Narr, 2002. P. 47–55.
- Jakobson 1985 [1956] — Jakobson R. Metalanguage as a linguistic problem [1956]. Jakobson R. *Selected writings*: in 9 vols. Rudy S. (ed.). Vol. 7. Berlin: Mouton De Gruyter, 1985. P. 113–121.
- Johnson-Laird 1989 — Johnson-Laird P. N. Mental models. In: *Foundations of cognitive science*. Posner M. I. (ed.). Cambridge (MA): MIT Press, 1989. P. 469–499.
- Kulikova 2019 — Kulikova L. V. Intercultural mediation: a discourse-analytical perspective. *Voprosy kognitivnoi lingvistiki*. 2019, (3): 26–35. DOI: 10.20916/1812-3228-2019-3-26-35.
- Schank, Abelson 1977 — Schank R. C., Abelson R. *Scripts, plans, goals and understanding: An inquiry into human knowledge structures*. Hillsdale (NJ): Erlbaum, 1977. 248 p.
- Silverstein 2003 — Silverstein M. Indexical order and the dialectics of sociolinguistic life. *Language and Communication*. 2003, 23 (3–4): 193–229.
- Spitzmüller 2013 — Spitzmüller J. Metapragmatik, Indexikalität, soziale Registrierung: Zur diskursiven Konstruktion sprachideologischer Positionen. *Zeitschrift für Diskursforschung*. 2013, (1/3): 263–287.
- Verschueren 2000 — Verschueren J. Notes on the role of metapragmatic awareness in language use. *Pragmatics*. 2000, 10 (4): 439–456.
- Widdowson 2004 — Widdowson H. G. *Text, context, pretext: Critical issues in discourse analysis*. Ser.: Language in Society. Malden (MA): Wiley-Blackwell, 2004. 200 p.
- Zemtzov 1991 — Zemtzov I. *Encyclopedia of Soviet life*. London: New Brunswick, 1991. 261 p.

Received: October 14, 2019
Accepted: December 16, 2019